Графиня Орлова-Чесменская и Фотій.

Анекдотичская часть исторіи представляетъ иногда такія характеристическія черты, которыя даютъ болѣе ясное понятіе о лицахъ и положеніяхъ, нежели иныя пространныя изложенія и разсужденія. Поэтому нельзя не дорожить сохраненіемъ мелкихъ, но правдивыхъ анекдотовъ.

Въ нашей печати не мало было говорено объ отношеніяхъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской къ извѣстному архимандриту Фотію; но я думаю, что ничто не можетъ такъ наглядно и ярко выразить подобострастное и безусловное подчиненіе ея ему, какъ слѣдующій случай, разсказанный мнѣ лично покойнымъ Петромъ Федоровичемъ Желтухинымъ, извѣстнымъ въ свое время командиромъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, а впослѣдствіи предсѣдателемъ соединенныхъ дивановъ Молдавіи и Валахіи.

Я былъ близко знакомъ съ П. Ф., съ которымъ особенно часто видѣлся у сестры его, Александры Федоровны Каховской, сынъ которой Федоръ, служившій въ полку у дяди, былъ моимъ сверстникомъ и пріятелемъ.

Однажды рѣчь зашла о графинѣ Орловой и о Фотіи, взаимныя отношенія которыхъ сильно занимали тогда Петербургское общество и вотъ что разсказалъ мнѣ Желтухинъ по этому поводу:

„Разъ какъ-то вечеромъ заѣхалъ я къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ и въ числѣ прочихъ лицъ, которыхъ засталъ у ней, находился разумѣется и непремѣнный Фотій. Главною темою разговора была ошибочность людскихъ сужденій и обманчивость внѣшнихъ признаковъ. Я позволилъ себѣ замѣтить что и ошибочность и обманчивость эти, также не безусловны, и что для внимательнаго и продолжительнаго наблюденія всегда найдутся признаки, показывающіе, что человѣкъ или не такъ дуренъ, или не такъ хорошъ, какъ о немъ вообще думаютъ, причемъ позволилъ себѣ для перваго случая привести такое уподобленіе, что внутренній свѣтъ пробьется наружу и сквозь малѣйшую скважину, а относительно втораго, привелъ извѣстную русскую пословицу, „что шила въ мѣшкѣ не утаишь“.

„Ну нѣтъ! возразилъ Фотій, бываютъ случаи, гдѣ и обманчивость наружныхъ дѣйствій и ошибочность сужденій безусловны.—Вотъ напр. всѣ вы, и ты

въ томъ числѣ (Фотій, дозволялъ себѣ говорить всѣмъ: ты), считаете ее конечно праведницею (при этомъ указалъ нальцемъ на графпню), а я вамъ скажу, что она величайшая грѣшница. Анна! продолжалъ онъ, обращаясь къ графинѣ, принеси-ка тѣ всѣ красныя книги, въ которыхъ вписывается твоя исповѣдь". Графиня тотчасъ встала и принесла двѣ толстыя тетради или скорѣе книги, in quarto, переплетенныя въ красный сафьянъ. Фотій взялъ отъ нея книги и, подавая мнѣ (продолжалъ Желтухинъ), сказалъ:—„Вотъ возьми-ка и прочитай внимательно, и ты тогда увидишь, что правъ я, а не ты". Я чрезвычайно сконфузился и не зналъ, что мнѣ дѣлать, но встрѣтилъ какъ бы умоляющій взглядъ графини, чтобъ я взялъ непремѣнно книги. Послѣ этого разумѣется я не могъ долго оставаться, потому что чувствовалъ себя въ крайне затруднительномъ положеніи, и потому, воспользовавшись перерывомъ разговора, всталъ и откланялся графинѣ, не зная, что мнѣ дѣлать съ книгами, и былъ очень радъ, когда она пошла меня провожать. Пройдя двѣ комнаты и войдя въ залу предъ прихожей, я воспользовался тѣмъ, что въ залѣ никого не было, и, подавая книги графинѣ, сказалъ ей:—„Надѣюсь графиня, что вы не считаете меня способнымъ употребить во зло такой случай"!—„Что вы, что вы! отвѣчала она, не принимая книгъ и отступая отъ меня какъ бы въ ужасѣ,—да развѣ можно смѣть и подумать не исполнить его приказанія! Нѣтъ! прочитайте, и прочитайте все внимательно; я сама удостовѣрюсь въ томъ и предложу вамъ вопросы изъ разныхъ мѣстъ".

„Дѣлать было нечего, я взялъ книги; разумѣется, мнѣ некогда было читать ихъ сплошь, но, взглянувъ на выдержку то тамъ, то сямъ, я нашелъ вездѣ сущіе пустяки, возводимые въ грѣхи всевозможными натяжками. Одно, что я нашелъ замѣчательнымъ, какъ разъясняющее непонимаемое многими участіе Орловой въ разныхъ свѣтскихъ церемоніяхъ,—это записанное ею въ одномъ мѣстѣ сокрушеніе ея, по поводу того, что ей пришла нечестивая мысль, справедливо ли требованіе Фотія, чтобъ она не разрывала связей съ большимъ свѣтомъ и разсужденіе вслѣдъ затѣмъ, что вѣроятно необходимо для спасенія ея души, чтобы она постоянно подвергалась испытанію, сохраняя свѣтскія связи и не оставляя міра, какъ бы ни желала того.—Разумѣется, заключилъ свой разсказъ Желтухинъ, я всячески старался не подвергнуться испытанію со стороны графини, дѣйствительно ли прочиталъ вполнѣ ея исповѣдь. Я никогда съ тѣхъ поръ не ѣздилъ къ ней одинъ, чтобъ не подвергнуться вопросамъ, и пріѣзжая, удостовѣрялся напередъ, нѣтъ ли у ней Фотія. Книги я ей отослалъ въ запечатанномъ пакетѣ".

Упомянувъ въ разсказанномъ эпизодѣ о Фотіи, нельзя не замѣтить, что несмотря на то, что и о немъ не мало уже говорено было въ печати, далеко еще невыяснена эта загадочная личность, и потому не безполезно будетъ сохранить всѣ тѣ показанія современниковъ, которыя представляютъ достаточное ручательство въ достовѣрности.

Извѣстно, что самый горячій споръ относительно Фотія заключался въ томъ, дѣйствительно ли онъ былъ убѣжденный человѣкъ, хотя и фанатикъ, и дѣйствовалъ искренно, или былъ притворщикъ, умѣвшій ловко пользоваться обстоятельствами.

Въ поясненіе этого спора, вотъ что разсказывали въ свое время о приключеніи Фотія съ однимъ княземъ Цаціановымъ, достаточно извѣстнымъ въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ своими гастрономическими познаніями, остротами, и находчивостію. Онъ, говорили, никогда и ничѣмъ не смущался. Сцена въ домѣ той же графини Орловой. Цаціановъ пріѣзжаетъ и входитъ въ гостинную одновременно съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ. Они находятъ Фотія на диванѣ, на правой сторонѣ, опершагося локтемъ на ручку дивана; графиня сидитъ на креслахъ возлѣ Фотія. Высокій гость, подойдя къ графинѣ и, сказавъ привѣтствіе, хочетъ отойти, чтобъ дать мѣсто подходящему за нимъ Цаціанову; но въ это время Фотій, обращаясь къ высокому посѣтителю, вдругъ закричалъ:—„А что-жъ ты не подходишь ко мнѣ къ благо-

словенію!“ Тотъ смутился и подошелъ къ Фотію; всѣ были изумлены такою дерзостію, а гостей было много. Когда же затѣмъ подошелъ къ графинѣ и Цицiановъ, и, раскланявшись, сталъ отходить, не обращая съ умысломъ вниманія на Фотія, и не поклонясь даже ему, то Фотій, желая поддержать свой авторитетъ, вздумалъ озадачить и Цицiанова, сказалъ и ему грубо: — „Ну а ты что-жъ?“ Но Цицiановъ, отойдя отъ графини и обойдя кресло на которомъ она сидѣла, подошелъ къ дивану и наклонясь къ Фотію, шепнулъ ему что-то на ухо. Само собою разумѣется, что вниманіе всѣхъ было обращено на происходившую сцену. Хотя никто не могъ слышать, что сказалъ Цицiановъ, но всѣ замѣтили, что Фотій смѣшался, не говорилъ во весь вечеръ ни слова, и только изрѣдка поглядывалъ изъ-подлобья на Цицiанова.

Разумѣется всѣхъ до крайности интересовало, что могъ сказать такого Цицiановъ Фотію, чтобы заставить его смутиться. Близкимъ знакомымъ Цицiановъ объяснилъ, что онъ просто сказалъ Фотію:—„А помнишь, какъ ты училъ кадетъ надувать экзаменаторовъ изъ Закона Божія“? Навели справки и оказалось, что когда Фотій былъ законоучителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, то для того, чтобъ экзаменъ предъ духовною коммисіей выходилъ блестящій, Фотій самъ училъ кадетъ, какъ выбирать тѣ вопросы, на которые они могутъ тверже отвѣчать, дѣлая на билетахъ условныя отмѣтки.

Сообщено **Д. И. Завалишинымъ.**